

Белкин Василий Владимирович

**Правовой нигилизм в оптике теории отчуждения родовой сущности
человека: социально-философский анализ**

Специальность: 5.7.7. Социальная и политическая философия
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Челябинск – 2026

Работа выполнена на кафедре философии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Научный руководитель Доктор философских наук, доцент **Мусаелян Лёва Асканазович**

Официальные оппоненты: **Шетулова Елена Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. (Нижний Новгород)

Прокофьева Диана Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). (Санкт-Петербург)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург)

Защита состоится 09.10.2026. в 11.00 часов на заседании совета 24.2.431.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по адресу: 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, 1-й корпус ЧелГУ, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Челябинского государственного университета.

Тексты диссертации и автореферата размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» www.csu.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 года

Ученый секретарь диссертационного совета

С.А.Денискин

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Правовой нигилизм, понимаемый как системное отрицание ценности и легитимности права, не является ситуативной девиацией или следствием временных социальных затруднений. Его генезис синхронен возникновению самого права как специфической формы социальной регуляции, что превращает его в имманентный атрибут отчуждённой нормативности. В условиях современного многоаспектного цивилизационного кризиса, ставящего под вопрос перспективы человечества, именно правовой нигилизм выступает одним из наиболее рельефных индикаторов глубины и опасности происходящих процессов. Кризис национальных и международных институтов правового регулирования показывает, как право из инструмента блокирования угроз трансформируется в самостоятельный дестабилизирующий фактор, усиливающий опасные вызовы человечеству. Существует связь между состоянием общественной жизни и действующим в стране правом¹. Право, исторически возникшее как механизм перехода от варварства к цивилизации и призванное сохранить человеческий род от саморазрушения, утрачивает свою легитимность и функциональную эффективность, что ставит под сомнение саму возможность развития человечества на основе существующих нормативных систем.

Социальная реальность в нашей стране со всей очевидностью демонстрирует остроту данной проблемы. Глобальные трансформации конца XX века, сопряжённые с радикальными реформами 1990-х годов, привели к глубокой социальной травме. Хотя за последние три десятилетия институты власти укрепились, а роль правоохранительных органов повысилась статистика свидетельствует о хронически высоком уровне преступности и, соответственно, правового нигилизма. Последний иллюстрирует не просто нарушения закона, но глубинный разрыв между правовым идеалом и повседневной действительностью, причём эта пропасть имеет тенденцию к увеличению, создавая серьёзные риски для будущего страны.

Преобразования конца прошлого столетия были, по сути, проектом социальной инженерии, направленным на формирование нового типа общества и индивида. Экономические изменения сопровождались радикальным пересмотром традиционных ценностей и разрушением общественной нравственности, что привело к автономизации права и морали. В России, по аналогии с западными странами, было сконструировано потребительское общество, состоящее преимущественно из атомизированных homo economicus, для которых универсальной ценностью и смыслом жизни стали деньги, легко конвертируемые в социальные, политические и правовые возможности. Как отмечал Э. Фромм, без денег такой человек – никто. Эта современная форма «частичного человека», возникшая в результате исторического раскола целостной человеческой сущности на индивидуальную и родовую, порождает различные формы отчуждения, ставшие обыденностью российской повседневности. Для индивидов с

¹ Зорькин В. Реформатор – элита – народ // Российская газета. 2023. 15 мая.

«расчеловеченной» сущностью высшей ценностью являются деньги, а другой человек – лишь средством. Криминальные сводки об убийствах ради наживы, хищения государственной собственности и коррупционный угар, приобретшие угрожающие масштабы, являются прямым следствием этого антропологического кризиса. В условиях противостояния коллективному Западу председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин справедливо квалифицирует подобные проявления как предательство национальных интересов². В этих деструктивных практиках, где эгоистический экономический интерес противопоставляется интересам общества и государства, проявляется отчуждение индивидуальной сущности от родовой.

На глобальном уровне правовой нигилизм отчётливо выражен в сфере международных отношений. Демонстративное нарушение норм международного права ведущей мировой державой и её союзниками после установления монополярного мира стало обыденностью. Этот нигилизм, с одной стороны, блокирует возможность цивилизованного разрешения межгосударственных и межнациональных противоречий, обостряя кризисные тенденции, а с другой – выступает самостоятельным деструктивным фактором, подрывающим мир и безопасность на планете. Его сущность проявляется не только в отрицании ценности права как такового, но и в приватизации исторического процесса узкой группой лиц, представляющих транснациональный финансовый капитал. Таким образом, международно-правовой нигилизм предстаёт как особая форма выражения глобализированного отчуждения.

Особенность предмета и задача исследования определяют выбор методологических оснований работы. Существующие исследования правового нигилизма, осуществляемые в рамках юридической науки, социологии или, отчасти, философии, как правило, остаются на уровне феноменологии, рассматривая его как деформацию правосознания, изъян правовой культуры или следствие несовершенства законодательства. Предлагаемые в таких парадигмах решения носят в лучшем случае паллиативный характер, будучи неспособными устранить глубинные причины феномена. Требуется принципиально иной социально-философский анализ проблемы, который позволит сместить фокус с области сознания в сферу сущностных оснований правового нигилизма, а именно в область исторического раскола целостной человеческой сущности. Автор диссертации считает, что релевантную социально-философскую рефлексию правового нигилизма обеспечивает научная теория исторического процесса, основы которой заложил К. Маркс. Поскольку Маркс, – писал М. Хайдеггер, – осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит прочую историографию. Диссертант согласен с этим утверждением, в том, что именно такой подход, применяющий теорию отчуждения к анализу нормативных систем, может стать основой для разработки адекватных ответов на вызовы, стоящие перед национальным и мировым сообществом.

² Зорькин В. Коррупция – угроза цивилизации // Российская газета. 2025. 21 мая.

Степень разработанности. Проблема правового нигилизма имеет значительную историю изучения, однако осмысление остается во многом узконаправленным. Ввиду многогранности проблемы предлагается выделить следующие смысловые блоки. Первая группа исследований: работы по правовому нигилизму в философии и теории права, однако они не фундируются на теории социального отчуждения. Вторая группа исследований: работы в рамках классической философской традиции, использующие концепцию отчуждения, но не сфокусированные на нигилизме вообще и правовом нигилизме в частности. Третья группа исследований: работы по социально-культурно-нравственному нигилизму в философии, но не затрагивающие проблематику правового нигилизма. Также отдельным блоком нужно отметить немногих исследователей правового нигилизма в области международного права.

Необходимо отметить, что феномен правового нигилизма преимущественно исследуется в рамках юридических наук, где это явление определяется как выражение деформации правосознания, изъянов правовой культуры или следствие несовершенства законодательства. Эти исследования безусловно, ценны в плане фиксации симптомов, детальной классификации форм и типов правового нигилизма, однако они часто остаются на поверхности явления, не вскрывая его сущностных, онтологических оснований, и следовательно, предлагаемые рекомендации чаще всего носят паллиативный характер.

В последнее время феномен правового нигилизма рассматривался в работах: Варламовой Н.В., Гаджиева Г.С., Гоймана А.В., Горохова П.А., Гуляихина В.Н., Керимова Д.А., Колесникова А.В., Кравченко И.И., Лапаевой В.В., Ломовского В.Д., Матузова Н.И., Невважай И.Д., Нерсисянца В.С., Новикова А.И., Сергеева В.М., Соловьёва Ю.Г., Спиридонова Л.И., Трейдер Ю.А., Туманова В.А., Халфина В.В., Шейфер С.А. и др.

В рамках юридической науки, в частности теории государства и права, правовой нигилизм исследуется как комплексное явление, требующее как теоретического, так и эмпирического анализа. Методологической основой многих таких работ выступает феноменологический подход, акцентирующий внимание на субъективных факторах, связанных с правосознанием и правовой культурой, в контексте которых нигилизм часто рассматривается как одна из его деформаций. Ряд авторов придерживаются просветительской парадигмы, восходящей к идеям Сократа, объясняя правовой нигилизм несовершенством институтов, низким уровнем правовой культуры и образования, а применительно к историческому контексту России – наследием прошлых политических режимов. Однако это направление не является единственным; в юридической науке представлены и исследования, направленные на поиск объективных, социально-экономических причин данного феномена. Особое внимание, считаем, следует уделить материалистической теории права, разрабатываемой В.М. Сырых, который обоснованно опровергает вульгарную точку зрения о марксистском правопонимании, будто бы базирующейся исключительно на тезисе о том, что

право есть возведённая в закон воля господствующего класса, указывая на то, что закон, в таком виде, есть лишь частный случай превратной формы права.

Таким образом, научно-юридический подход к изучению правового нигилизма, оставаясь в границах отраслевой теории, не всегда ставит задачу выявления его глубинных антропологических и онтологических оснований. Данная проблематика требует перехода на метатеоретический, социально-философский уровень анализа, что и составляет особенность настоящего исследования.

Фундамент глубокого социально-философского анализа был заложен в классической философской традиции, где была разработана проблематика отчуждения. Именно здесь была показана связь между кризисом нормативности и более глубинными процессами отчуждения человеческой сущности. Примечательным является тот факт, что первоначально само понятие отчуждения имело именно юридическое содержание. Проблема отчуждения была впервые сформулирована в XVII-XVIII веках в трудах сторонников теории общественного договора. Именно в Новое время в первую очередь конечно Томасом Гоббсом, а также Джоном Локком, Пьером Гассенди, Бенедиктом Спинозой и Жан-Жаком Руссо современное им общество стало осмысливаться как общество отчуждения или как общество делегирования полномочий. Общественные институты, которым передаются частные права граждан, ввиду их добровольного от них отказа, отчуждаются от человека становясь силами, довлеющими над людьми, заставляя последних жить и развиваться под диктатом юридических норм. Т. Гоббс сформулировал идею, согласно которой потребность во взаимном отчуждении прав людей коренится в их страхе перед естественным состоянием «войны всех против всех», конец которой может положить только отчуждённый от общества государственный аппарат

К. Маркс раскрыл сложную структуру отчуждения и сформулировал идею о том, что именно отчуждение между родовой и индивидуальной сущностью человека представляет собой «загадку истории», которую надлежит разгадать философии. Развивающиеся, развертывающиеся противоречия между индивидуальной и родовой сущностью человека в каждую историческую эпоху складываются уникальным образом, отражая уровень развития сущностных сил человека. Показав исторический механизм отчуждения родовой сущности человека, Маркс определил направление движения для преодоления отчуждения, решения этой загадки истории.

Важно отметить работы, посвященные анализу отчуждения сущности человека в западном марксизме, их авторы: Д. Лукач, Негри, И. М. Хардт, а в рамках франкфуртской школы – Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас и др.

В нашей стране с марксистских позиций проблему отчуждения исследовали В. А. Ф. Асмус, С. С. Батенин, Г. С. Батищев, А. С. Богомолов, Л. Е. Гринин, А. А. Грицанов, Э. В. Ильенков, И. А. Ивин, П. Н. Кондрашов, А. М. Ковалев, К. Н. Я. И. Кузьминов, Любутин, А. Г. Мысливченко, Л. А. Мусаелян, И.

С. Нарский, А. П. Огурцов, Т. И. Ойзерман, В. В. Орлов, В. Ф. Сержантов, А. Д. Спиркин, М. А. Хевеши, Н. Л. Худякова, Е.Д. Шетулова и другие учёные.

Ключевой для данного исследования является конкретно-всеобщая теория исторического процесса, давшая базовый инструментарий для анализа права как отчужденной нормативной формы. Данный подход развивается учеными кафедры философии Пермского университета в работах В.В. Орлова, Т.С. Васильевой, И.С. Утробина, Л.А. Мусаеляна, В.В. Корякина, К.В. Прозументика и других исследователей; он позволяет рассматривать исторический процесс как выражение развивающейся родовой и индивидуальной человеческой сущности.

Нигилизм как таковой ассоциируется прежде всего с западной философской традицией и представляет собой явление социальной и духовной жизни общества, а также философскую позицию, которая ставит под сомнение или в предельном случае отрицает общепринятые ценности, идеалы, нормы морали и права, знания или смысл существования. Проблема социального нигилизма нашла своё толкование в континентальной философии начиная с середины XIX века, в частности в работах Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Штирнера, К. Ясперса, О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассета, М. Хайдеггера, А. Камю, В. Крауса и многих других мыслителей.

Европейские экзистенциалисты и постмодернисты анализировали нигилизм как симптом экзистенциального отчуждения. Ф. Ницше констатировал утрату трансцендентных оснований бытия ("Бог умер"), что привело к ценностному релятивизму. М. Хайдеггер через концепт "Das Man" раскрыл механизм отчуждения в праве: законы воспринимаются как нечто чуждое, навязанное безликой массой, порождая конформизм. Ю. Хабермас показал, как право становится инструментом "колонизации жизненного мира системой", теряя легитимность. Ж. Делез и Ф. Гваттари хотя формально и далеки от марксистской антропологии, однако идея разрушения всех бинарных оппозиций и переходе к "горизонту абсолютной имманентности" отчасти перекликается с проблематикой отчуждения. Таким образом, нигилизм предстает как симптом глубинного отчуждения, а право, в свою очередь, как один из его ключевых инструментов.

Существенный вклад в понимание генезиса права, а в последствии и феномена его отрицания внесли классики социальной антропологии. Б. Малиновский на примере меланезийцев продемонстрировал, что право существует и функционирует как система взаимных прав и обязанностей даже при отсутствии специализированного аппарата принуждения. М. Мосс, исследуя феномен дара, раскрыл нормативную основу архаических обществ, где право было вплетено в тотальные социальные обмены, а его нарушение вело к разрыву всей сети социальных связей. Э. Эванс-Причард и М. Фортес в своих исследованиях политических систем Африки показали, как право и поддержание правопорядка являются функцией всей сегментарной структуры общества (система сегментов и линий), а не отдельного института власти. Работы М. Глакмена по судебному процессу у африканских племен наглядно иллюстрируют, как право рождается из самого разрешения социальных конфликтов, а его легитимность обеспечивается вовлеченностью всех членов общины. Классики

социологии права, углубляя антропологический анализ, предложили теоретические рамки для осмысления выявленного перехода. Э. Дюркгейм, связав тип социальной солидарности с формами права, показал историческую траекторию: от репрессивного права, выражающего мощное коллективное сознание и карающего за его нарушение, к реститутивному праву, функцией которого является восстановление нарушенного порядка в обществах с органической солидарностью и развитым разделением труда. Эта эволюция наглядно демонстрирует, как право, оставаясь выражением воли коллектива, постепенно формализуется и отдаляется от индивида. Идею изначального раскола между официальным правом и реальной жизнью общества развил О. Эрлих с его концепцией «живого права», конфликт между этим «живым правом» и правом официальным, государственным, является, по сути, эмпирическим подтверждением описанного антропологами процесса отчуждения.

Важным теоретическим основанием исследования выступают труды советских антропологов и философов, обосновавших идею первичной коллективности человеческого рода как источника нормативности. В данном контексте принципиальное значение имеет концепция А.И. Першица, раскрывшего феномен мононорматики догосударственных обществ, где экономические, моральные и религиозные регуляторы существовали в нерасчлененном единстве, непосредственно выражая коллективную волю. Работы Б.Ф. Поршнева, анализирующего становление человеческого сознания и социальной психологии в рамках единого «родового субъекта», позволяют онтологизировать понятие родовой воли, понимаемой не как простая сумма воли индивидов, а как качественно иную целостность. В единстве эти подходы создают крепкую антропологическую базу для понимания права как позднейшей, отчужденной формы изначально присущей человеческому роду нормативности, возникающей вследствие раскола между родовой и индивидуальной сущностью.

Ключевым методологическим основанием для анализа перспектив преодоления правового нигилизма в работе выступает концепция «всеобщего труда», разработанная К. Марксом и получившая развитие в трудах отечественных исследователей (В.В. Орлова, Т.С. Васильевой, В.С. Гриценко и др.). Если во «вторичной» экономической формации право возникает как отчужденный регулятор отношений в условиях отчужденного труда, то становление всеобщего труда – сложного единства материальной и интеллектуальной деятельности, основанного на науке и творчестве, – создает объективную основу для преодоления этого отчуждения. Всеобщий труд по своей природе несовместим с внешним, формально-бюрократическим регламентированием, характерным для традиционного права, поскольку его процесс и результаты не поддаются стандартизации и тотальному отчуждению.

О сущности международных отношений, международного права и его специфики высказывались многие философы. Справедливо считающийся основоположником теории международного права Г. Гроций, а также другие современники формирования Вестфальской системы международного права – Б. Спиноза и Т. Гоббс чрезвычайно скептически отнеслись к возможности

соблюдению государствами международных договоров. Ж. Боден развивал идею суверенитета государства, которая имеет ключевое значение для понимания международной правовой системы. Г. Гегель же во главу системы международных отношений ставит суверенитет как проекцию всеобщей воли государства. Также международно-правовая проблематика затрагивалась в трудах Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Шмитта и других авторов. Проблема нигилизма в международном праве исследуется также преимущественно правоведами, однако количество публикаций по данному вопросу чрезвычайно невелико, а основательное исследование только одно³. В советский период в контексте общей теории международного права о правовом нигилизме упомянуто в работах Е. Пашуканиса, Д.Б. Левина Д.И. Фельдмана и С.Н. Чебышева. Среди множества трудов, посвящённых международному праву и кризисному его состоянию, не так много работ непосредственно о правовом нигилизме в международном праве: В.Д. Зорькин Л.А. Мусаелян, Б.А. Куркин. А. А. Н. Абдель Рахим, А.С. Абашидзе, Н.В. Остроухов. К.А. Бекашев.

Важное значение для настоящего исследования имеет корпус современной западной литературы, в которой проблематика кризиса международного права и его нигилистических оснований получает концептуальную разработку, хотя и в иных методологических рамках.

Значительный вклад в осмысление структурных противоречий международного права внесла критическая школа. В трудах М. Коскенниemi обоснован тезис о принципиальной неопределённости международно-правовой аргументации, обусловленной неразрешимым противоречием между нормативностью (стремлением к универсальности) и конкретностью (воли государств). Работы Д. Кеннеди развивают эту линию, демонстрируя политическую природу права и иллюзорность нейтральных юридических решений. Несмотря на глубину деконструкции либерального дискурса, критическая школа останавливается на уровне анализа языка и аргументации, не вскрывая онтологических корней кризиса, обусловленной отчуждённой природой государства.

Новейший этап западной рефлексии связан с осмыслением феномена «цинического международного права». Б. Бааде, Д. Бурхардт и др. ставят задачу выйти за рамки анализа открытого пренебрежения международным правом и исследовать более тонкие механизмы его использования. Участники дискуссии – Т. Райнольд, Г. Лентнер, Х. Сабер и другие – анализируют злоупотребления правом, когда оно не отрицается открыто, но используется и интерпретируется таким образом, что частные интересы фактически подрывают правовую структуру, сохраняя видимость лояльности ей. Однако сведение проблемы к «автономии права» на деле скрывает конкретные классовые интересы транснационального капитала, стоящие за циничским использованием правовых форм.

³ Чебышев С.Н. Международно-правовой нигилизм и его критика: дис... канд. юрид. наук: М. 1984.

Значительный пласт литературы составляют постколониальные исследования международного права Работы А. Ангаи, Б.С. Чимни, а также исследования С. Пахуджи раскрывают евроцентристскую природу классической доктрины, показывая, что ключевые категории международного права несут на себе печать колониального насилия. Анализ современной критики TWAIL указывает на внутренние противоречия этого подхода, его амбивалентное отношение к государству и отсутствие последовательной методологической позиции. В диссертации показано, что постколониальная критика, при всех её достижениях, часто упускает из виду формационный анализ, сводя колониализм преимущественно к культурному империализму и игнорируя его сущность как формы экспансии капитала.

Важное место занимает теолого-политический подход, представленный, с одной стороны, наследием К. Шмитта с его различением средневековой анархии и современного нигилизма, критикой правового позитивизма. С другой стороны новейшим исследованием А. Роу, который рассматривает международное право как нигилистический проект, порождённый «цивилизующим психозом» – процессом взаимного конструирования человека и государства.

В последние десятилетия в нашей стране осуществлено всего несколько исследований посвященных проблеме правового нигилизма, которые внесли существенный вклад в понимание его гносеологических, социокультурных и мировоззренческих оснований. Так, в работах, выполненных в рамках социально-философской проблематики, правовой нигилизм исследуется преимущественно как феномен общественного сознания. П.А. Горохов акцентирует внимание на гносеологических аспектах правового нигилизма и особенностях российского менталитета, анализируя их через призму феноменологии и философии жизни⁴. М.О. Хазамов раскрывает нигилизм через специфику этнического менталитета и кризис социальных ценностей, выводя его угрозы из сферы массового мировоззрения⁵. Только К.А. Миракян исследует правовой нигилизм в том числе как явление, обусловленное отчуждением права, однако делает это в рамках концепции отчуждения выработанной в контексте философской мысли российских философов С.А. Муромцева, М.А. Коркунова. И в итоге определяет правовой нигилизм как состояние деформации правовых норм, укорененное в массовом сознании и поведенческих кодах, обусловленное отчуждением права⁶. Р.Р. Исмагилов исследует мировоззренческие основания нигилизма, рассматривая его через категории правосознания и аксиологии, где отрицание права связано с его обесцениванием в системе личных мировоззренческих координат⁷. Фундаментальное социокультурное исследование правового нигилизма в России было проведено В.Н. Гуляхиным, который убедительно показал, что развитие

⁴ Горохов П.А. Проблема оснований правового нигилизма: г аспект: дис. ... канд. филос. наук. Оренбург, 1998.

⁵ Хазамов М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006.

⁶ Миракян К.А. Правовой нигилизм в российском обществе: социокультурные факторы: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2015.

⁷ Исмагилов Р.Р. Правовой нигилизм: мировоззренческие основания и пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010.

русской правовой культуры во многом определяют две антагонистические тенденции общественного развития: гуманистическая и авторитарная⁸. Несмотря на безусловную научную ценность этих работ, их общим методологическим основанием является анализ правового нигилизма в плоскости сознания – менталитета, мировоззрения, ценностных ориентаций. Настоящее исследование осуществляет онтологический сдвиг в понимании природы правового нигилизма, выводя его анализ из сферы общественного сознания в сферу общественного бытия. Первопричины и сущностные основания правового нигилизма выявляются здесь не в искажениях правосознания, а в фундаментальном онтологическом расколе – отчуждении родовой сущности человека, которое первично по отношению ко всем последующим формам отчуждения, включая правовое. Такой подход позволяет вскрыть субстанциальные, а не производные причины этого феномена.

Правовой нигилизм исследуется разными учеными с разных теоретических позиций. Несмотря на наличие серьёзных исследований в каждой из указанных областей, до настоящего времени отсутствует целостный социально-философский анализ правового нигилизма, как в национальном так и международном праве на основе материалистической теории исторического процесса, рассматривающей этот процесс как выражение противоречий родовой и индивидуальной сущности человека. Представляется, что данная теория обладает необходимым эвристическим потенциалом для выявления и научного объяснения глубинных антропологических оснований существования правового нигилизма. В настоящем исследовании предпринята попытка показать, что правовой нигилизм ни есть досадные, случайные события общественной жизни, а закономерное выражение исторически развивающегося противоречия между родовой и индивидуальной сущностью человека. Философский анализ глубинной сущности правового нигилизма позволит не только показать его субстанциональные (антропологические) основания, но также поможет в разработке рекомендаций для принятия управленческих решений с целью блокирования и постепенного преодоления негативных последствий этого социального феномена.

Объект исследования: Правовой нигилизм как социальный феномен.

Предмет исследования: Сущностные основания правового нигилизма в системах национального и международного права.

Цель исследования: Раскрыть сущностные основания и исторические формы правового нигилизма в национальном и международном праве, опираясь на методологию теории отчуждения.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

1. Разработать социально-философскую модель генезиса правового нигилизма как продукта исторического раскола целостной сущности человека.
2. Исследовать исторические формы правового нигилизма на различных этапах развития вторичной формации.

⁸ Гуляихин В.Н. Правовая культура в России: природа и формы правового нигилизма : дис ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д 2006.

3. Выявить новые формы правового нигилизма в условиях позднего капитализма и цифровизации.

4. Исследовать сущностные основания правового нигилизма в международном праве как системе отчужденных суверенитетов.

5. Проанализировать правовой нигилизм как выражение кризиса современного международного права и системного кризиса капитализма.

Теоретико-методологические основания исследования служит современный материализм и диалектика; материалистическое понимание истории, позволившее выявить онтологические основания нигилизма в отчуждении труда и родовой сущности, социально-философская антропология; обеспечившая анализ диалектики родового и индивидуального; конкретно-всеобщая теория исторического процесса, рассматривающая исторический процесс как выражение развивающейся человеческой родовой и индивидуальной сущности, а право и государство как нормативную и политическую форму отчуждённого бытия родовой сущности человека. В работе также применяются общенаучные и философские методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, системный анализ, структурно-функциональный подход.

Научная новизна исследования:

1. Разработана социально-философская модель, объясняющая генезис правового нигилизма как результата исторического раскола человеческой сущности на индивидуальную и родовую при переходе от варварства к цивилизации.

2. Выявлена и систематизирована специфика исторических типов правового нигилизма (античный, феодальный, буржуазный), вызванных инструментализацией родовой воли в частных интересах.

3. Раскрыты новые, латентные формы правового нигилизма в условиях цифровой трансформации, обусловленных алгоритмизацией социальных взаимодействий и конфликтом между общественной природой знания и механизмами его частного присвоения.

4. Доказано, что правовой нигилизм в международном праве является результатом противоречия между формальным равенством государств и их актуальным неравенством в отстаивании национальных суверенитетов и интересов.

5. Показано, что правовой нигилизм как выражение кризиса современного международного права является политическим следствием реализации частных интересов транснационального капитала в ущерб общечеловеческим, что знаменует предельное углубление раскола целостной человеческой сущности.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Правовой нигилизм, как и право, являются порождением фундаментального исторического раскола целостной человеческой сущности на родовую и индивидуальную, произошедшее при переходе от варварства к цивилизации.

2. Конкретно-исторические формы правового нигилизма определяются легитимационным разрывом между родовой сущностной волей и её отчуждённым выражением.

3. В условиях позднего капитализма правовой нигилизм усложняется и приобретает гибридные формы, становясь технологически встроенным элементом повседневности.

4. Правовой нигилизм является системным свойство международного права, в котором действуют государства, представляющие собой отчуждённые суверенитеты.

5. В условиях современного капитализма правовой нигилизм является инструментом доминирования транснационального капитала, подрывающего национальные суверенитеты и международное право.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке оригинальной онтологической модели правового нигилизма. Работа вводит в научный оборот концепцию, раскрывающую глубинные антропологические основания правового нигилизма и отчуждения как следствия исторического противоречия между родовой и индивидуальной сущностью человека. Это позволяет переосмыслить природу социальных норм, выявить системные механизмы функционирования права в условиях общественных трансформаций и предложить новые теоретические подходы к анализу кризисных явлений в политико-правовой сфере. Разработанная методология открывает перспективы для дальнейших исследований отчуждения в социальных системах.

Практическая значимость исследования раскрывается в нескольких ключевых сферах.

В области нормотворчества и антикоррупционной деятельности разработанная модель «легитимационного разрыва» служит инструментом для экспертизы законодательных инициатив на предмет их соответствия общественным интересам и профилактики норм, способных усиливать правовой нигилизм. Выводы об онтологических основаниях коррупции позволяют перейти от карательных мер к стратегиям, минимизирующим системные предпосылки отчуждения в управленческих и экономических отношениях.

В образовательном процессе материалы работы могут быть использованы для разработки учебных курсов и модулей в магистратурах и аспирантурах философских, юридических и политологических направлений («Социальная и политическая философия», «Философия права» «Социальная онтология политики», «Антропология кризиса институтов»). Концепция цифрового нигилизма актуальна для программ повышения квалификации в сфере цифровизации и IT-регулирования.

Для формирования государственной политики анализ международно-правового нигилизма предоставляет методологическую основу для выработки внешнеполитической стратегии, основанной на последовательном отстаивании принципов суверенного равенства и верховенства права в международных отношениях. Исследование двойственной природы нигилизма может учитываться при разработке социальной и правоохранительной политики, способствуя

дифференцированному подходу к его деструктивным и социально-протестным проявлениям. Таким образом, работа предлагает не только теоретический анализ, но и конкретные концептуальные инструменты для решения актуальных задач.

Работа соответствует следующим пунктам паспорта специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия: п. 21. Философская рефлексия оснований и функций социальных институтов; п. 22. Государство и гражданское общество. Социальное государство; п. 27. Проблема отчуждения в социальной философии; п. 50. Метатеоретические исследования политики; п. 55. Соотношение целей и средств в политике, взаимодействие политики и морали, политики и права, политики и экономики.

Структура работы выстроена с учётом цели и задачи; состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Список включает в себя 285 наименований. Содержание работы изложено на 260 страницах текста.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ: ОНТОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ состоит из трёх параграфов и представляет собой системный социально-философский анализ, раскрывающий правовой нигилизм как глубинное, системное, сопутствующее праву явление, укорененное в процессе отчуждения родовой сущности человека. Логика исследования проблемы выстроена как движение от теоретико-антропологического обоснования через историко-философскую ретроспективу к социально-философскому прогнозу, что позволяет сформировать целостную концепцию.

Параграф 1.1. – «Отчуждение человеческой сущности как онтологическое основание социогенеза права и правового нигилизма» – представляет собой теоретико-антропологический фундамент всего исследования; здесь формулируется категориальный аппарат и методологическая перспектива. Его центральной задачей является онтологическое обоснование генезиса права и правового нигилизма как взаимосвязанных продуктов исторического развития человеческой сущности. Исходным пунктом выступает диалектическое понимание человека, преодолевающее односторонность позитивистских и культурологических интерпретаций. На основе синтеза трех подходов в марксистской антропологии – деятельностного (акцент на практическом самоутверждении), реляционного (сущность как совокупность общественных отношений) и субстанциального (живой индивид как носитель социальных свойств) – человеческая сущность определяется как сложная, развивающаяся система взаимоперехода категорий всеобщего, особенного и единичного. Всеобщее (родовая сущность, *Gattungswesen*) понимается как совокупность универсальных, исторически инвариантных онтологических характеристик человеческого рода, определяющих его специфическое отношение к миру – способность к универсальной свободной сознательной деятельности и творческому преобразованию природы и самого себя. Ее квинтэссенцией является «производственная жизнь» (К. Маркс) – деятельность по производству своего бытия. Особенное представляет собой конкретно-историческое измерение, где

родовая сущность опосредуется и дробится в рамках определенной общественно-экономической формации, культуры, класса. Единичное – это живой, конкретно-исторический индивид, в котором уникальным образом синтезируются всеобщие родовые свойства и особенности его социального положения.

Исторический процесс, в рамках данной концепции, предстает как процесс развития и усложнения как родовой сущности в целом, так и обогащения спектра ее особенных проявлений. Ключевым выводом является положение о том, что право возникает не как вечный атрибут социальности, а как исторически преходящая нормативная форма, необходимая для разрешения антагонизмов, порожденных расколом человеческой сущности. Реконструкция «большой триады» исторического развития (первобытность – антагонистические общества – будущее общество) демонстрирует, что право является продуктом вторичной, экономической формации – эпохи системного отчуждения. В первичной формации (первобытность) господствует непосредственное тождество всеобщего (родового) и единичного (индивидуального). Нормативность существует здесь в форме синкретической мононормы, выражающей нерасчлененную родовую волю и интегрированной в саму ткань коллективной жизни. Право в его отчужденной форме невозможно, так как отсутствует субъект, которому можно было бы противостоять.

Переход к вторичной формации, обусловленный неолитической революцией (тотальным разделением труда, возникновением частной собственности и прибавочного продукта), знаменует собой раскол этого единства. Универсальная трудовая деятельность превращается в частный, односторонний труд, что положило начало отчуждению труда как ключевой форме отчуждения человеческой сущности. «Особенное» в лице частной собственности, классов и государства вырывается на авансцену истории. В этих условиях право кристаллизуется из мононормы как нормативная форма отчуждения. Оно становится инструментом закрепления господства «особенного» (частнособственнического, группового интереса формирующейся элиты) над «единичным» (индивидом) и подмены им «всеобщего» (подлинной родовой воли). Таким образом, право с самого начала имеет отчужденный характер, будучи опредмеченным в нормах и институтах сущностной силой, противостоящей человеку.

Именно тогда, одновременно с правом, зарождается и феномен правового нигилизма. Он определяется не как случайная девиация, а как закономерная и имманентная реакция «единичного» на отчужденный нормативный диктат. Это протест человеческой сущности против самой себя, опредмеченной в чуждой и враждебной форме. Антропологические данные (исследования Б. Малиновского, М. Мосса, Э. Эванс-Причарда и др.) о существовании «живого права» в догосударственных обществах, систем взаимных прав и обязанностей, функционировавших без репрессивного аппарата, подтверждают, что сложная социальная регуляция возможна без механизмов отчуждения. Это указывает на историческую преходящность правовой формы в ее отчужденном виде. Следовательно, право и правовой нигилизм являются двумя сторонами одного

процесса, а именно совместно порожденными продуктами конкретной исторической эпохи отчуждения родовой сущности человека. Их онтологическим фундаментом выступает глубинный раскол в человеческой сущности, диалектическое противоречие между всеобщим, особенным и единичным.

Параграф 1.2. «Исторические формы правового нигилизма» представляет собой конкретно-историческое применение разработанного категориального аппарата. Целью является прослеживание диалектики права и имманентного ему нигилизма на различных этапах развития вторичной формации. Исходный тезис заключается в том, что государство, возникая как политическая организация классового общества, становится центральным институтом отчуждения, выступая инобытием родовой сущности человека и инструментом артикуляции всеобщей воли. Проходя через аппарат государства и сознание господствующего класса, подлинная родовая воля возвращается к индивиду в виде внешнего, заданного извне предписания, служащего сохранению порядка господства.

Ключевым концептом, объясняющим вариативность исторических форм нигилизма, выступает «легитимационный разрыв» – объективное и неустранимое в условиях классового общества расхождение между подлинной, объективной волей человеческого рода, направленной на свободное развитие сущностных сил *каждого* индивида, и ее частной, классовой интерпретацией, получающей санкционированное выражение в позитивном законе. Величина и характер этого разрыва определяют специфические для каждой формации типы правового нигилизма.

В античную эпоху легитимационный разрыв был тотальным, онтологическим. Право открыто и законодательно закрепляло радикальное исключение раба из правового поля, определяя его как «говорящее орудие». Для раба право – это система, которая онтологически отрицает его существование как человеческого существа. Соответственно, правовой нигилизм раба носил тотальный характер: это была не борьба против отдельных несправедливых норм, а борьба за признание самой субъектности, отрицание самой основы правовой системы. Это «чистый» правовой нигилизм как единственно возможная форма утверждения своей узурпированной человеческой сущности. В среде свободных граждан существовал «инструментальный нигилизм», при котором право воспринималось не как священная норма, а как орудие в политической борьбе (например, судебный процесс над Сократом), имел место и юридический формализм, использовавшийся для обхода законов.

В феодальную эпоху легитимационный разрыв был максимально широк и опосредован религией. Право утратило претензию на всеобщность, превратившись в партикуляристскую систему права-привилегии, где норма существовала как конкретное правомочие, обусловленное местом в социальной иерархии. Это породило избирательный, целерациональный нигилизм. Поскольку единого права не существовало, феодал мог апеллировать к тому нормативному порядку, который был ему выгоден («старинным обычаям», королевскому указу, церковному праву), игнорируя остальные. Это был «договорной нигилизм» –

систематическое нарушение вассальных клятв, когда верность сеньору или вассалу была условной. Протест против закона апеллировал не к абстрактной справедливости, а к «истинной» христианской догме или «справедливому» обычаю, т.е. оставался внутри системы отчуждения.

В условиях **капитализма** легитимационный разрыв приобретает системный и универсальный характер. Буржуазное право, провозглашая всеобщее формальное равенство и свободу индивидов, обладает всеобщей, эгалитарной формой. Однако его содержание остается классовым, направленным на сохранение реального экономического господства. Это фундаментальное противоречие между формой и содержанием порождает «юридическую иллюзию» – представление о самодостаточности правовой формы, которая маскирует реальные отношения эксплуатации. В результате правовой нигилизм становится тотальным недоверием к правовой системе в целом, воспринимаемой как механизм, по определению несправедливый и лицемерный. Он оказывается всеобщим: от «верхушечного» нигилизма собственника, игнорирующего закон во имя прибыли, до «низового» нигилизма пролетария, не верящего в справедливость институтов, и нигилизма самой системы, практикующей селективное правоприменение. Таким образом, капитализм знаменует собой кризис легитимности права как такового в его буржуазной форме.

В параграфе 1.3 «Новые формы правового нигилизма как выражение кризиса современного права в условиях позднего капитализма и цифровизации» исследуется качественная трансформация правового нигилизма, который перестаёт быть спорадическим отрицанием конкретных норм и становится системным, латентным и технологически встроенным феноменом. Автор исходит из фундаментального противоречия позднего капитализма: общественная, сетевая природа знания и всеобщего интеллектуального труда вступает в непримиримый конфликт с инертной правовой формой, исторически сложившейся для регулирования отношений вещной собственности. Право, формально призванное выражать всеобщую волю, объективно превращается в барьер на пути развития производительных сил и инструмент сохранения отчуждённых отношений господства через институты патентного права и интеллектуальной собственности. Этот «легитимационный разрыв» углубляется до такой степени, что закон становится не просто несправедливым, но и иррациональным с точки зрения технологического и социального прогресса.

В этих условиях формируются три взаимосвязанные магистральные линии новых форм правового нигилизма. Первая связана с кризисом классической правовой субъектности. Автор подвергает критике либеральную дихотомию «негативной» и «позитивной» свободы (И. Берлин), доказывая, что она является философским каркасом атомизации общества. «Негативная свобода», сводящаяся к отсутствию прямого принуждения, на практике легитимирует социально-экономическое отчуждение, превращая политическую власть в частную власть корпораций. «Позитивная свобода» дискредитируется через отождествление любой коллективности с тоталитаризмом. Этот идеологический тупик подготавливает почву для более радикальных философских проектов – «плоских

онтологий» (Б. Латур, Г. Харман) и трансгуманизма. В параграфе убедительно показано, что данные течения не являются нейтральной академической рефлексией, а выступают идеологическим оправданием отчуждения. «Плоские онтологии», уравнивая человека с вещами и алгоритмами, деконструируют субъекта права – автономного, ответственного и обладающего волей индивида. Это создаёт концептуальный вакуум, который на практике заполняется технократическими режимами управления, где легитимность подменяется эффективностью, а право – UX-дизайном. Трансгуманизм, напротив, предлагает «преодоление» человека через технику, что является отчуждённой формой веры в бесконечный прогресс, за которой скрывается конструирование новых иерархий.

Вторая линия – анализ правового нигилизма в экономике и экологии. Автор вводит понятие «информационного феодализма», при котором доход господствующего слоя формируется не за счёт производства, а за счёт ренты от контроля над доступом к знанию и цифровым инфраструктурам. Корпоративный правовой нигилизм проявляется здесь не как отрицание права, а как его гипертрофированное использование в частных интересах: офшорные юрисдикции, арбитражи ISDS и частное правотворчество (пользовательские соглашения) де-факто подменяют публичное законодательство. В экологической сфере диагностируется особая форма – «природоохранный правовой нигилизм». Радикальный экологизм, выступая под маской спасения планеты, объективно противопоставляет природную основу человека его социально-преобразующей сущности, отрицая само право на развитие. Это ведёт к легитимации неокOLONиального контроля: странам глобального Юга навязываются жёсткие климатические ограничения, консервирующие их отсталость, в то время как «зелёный камуфляж» корпораций легитимирует прежний способ производства.

Третья, центральная, линия – феномен цифрового отчуждения и «латентного технологически встроенного нигилизма». В условиях алгоритмической власти и платформенного капитализма отчуждение достигает тотального уровня: экспроприируется не продукт труда и даже не сам труд, а жизнедеятельность как таковая, превращённая в сырьё (цифровой след) для машинного обучения. Классическое различие учреждающего и сохраняющего насилия (В. Беньямин) обретает новое измерение: алгоритмы, интерфейсы и протоколы выступают актами учреждения новой нормативности, которая не нуждается в демократической легитимации. Принуждение «вшито» в дружелюбный дизайн и становится невидимым. Нигилизм перестаёт быть осознанной позицией, превращаясь в антропологический фон повседневности. Автор выделяет два диалектически связанных лика цифрового нигилизма: латентный (нерефлексируемое принятие алгоритмического управления как естественной среды) и системно-протестный (попытка бегства от государства в криптоутопии и DAO с лозунгом «код как закон»). Однако, как показано через обращение к работам А. Гэллоуэя и Дж. Агамбена, это бегство оборачивается построением ещё более совершенного «алгоритмического лагеря», где смарт-контракт производит «голое решение», лишённое усмотрения и возможности апелляции.

В заключительной части параграфа намечаются контуры преодоления кризиса. Автор отказывается как от технооптимизма, так и от реакционного луддизма, обосновывая стратегию «аналогового предела». На примере проектов Фонда Долкого Будущего, дискурса о «праве на отключение» и политики ЮНЕСКО в отношении цифрового наследия доказывается, что сохранение человекообразных, не поддающихся полной формализации норм и инфраструктур является не архаизацией, а онтологическим условием возможности свободы. Только гарантировав право на неучастие в цифровой тотальности, можно сделать цифровой выбор по-настоящему свободным. Подлинное же преодоление правового нигилизма связывается не с оборонительными стратегиями, а с утверждением всеобщего труда и качественно иной, неотчуждённой нормативности будущего, где право перестанет быть инструментом господства и станет формой коллективного самосознания рода. Таким образом, параграф завершает первую главу диссертации выводом о том, что новые формы правового нигилизма являются не столько патологией, сколько симптомом исторической исчерпанности отчуждённой правовой формы и объективной потребности в переходе к посткапиталистической нормативности.

ГЛАВА 2. «ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОТЧУЖДЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ» посвящена исследованию правового нигилизма как системного свойства международного права, имманентно присущего ему в силу отчуждённой природы государства. Доказывается, что нигилизм является не случайным отклонением, а закономерным продуктом развития международно-правовой системы, что порождается фундаментальным противоречием между формальным суверенитетом и реальным господством силы. Кризис современного международного права рассматривается как отражение системного кризиса капиталистической формации в эпоху глобализации и доминирования транснационального финансового капитала.

В параграфе 2.1. «Отчуждение человеческой сущности как онтологическая основа формирования международного права и правового нигилизма» находит последовательное применение разработанный в первой главе категориальный аппарат к сфере международных отношений.

Опираясь на классические определения показано, что государство выступает как «идеальный совокупный капиталист» – особая форма общественной связи, которая организует условия воспроизводства капитала, облекая классовый интерес в форму всеобщности. На этой основе вводится ключевая для дальнейшего анализа категория «отчуждённый суверенитет». Преодолевается юридический и политологический редукционизм в понимании суверенитета. Суверенитет определяется как опредмеченная и юридически оформленную отчуждённая родовая волю проецируемая вовне – на отношения с другими государствами – отчуждёнными суверенитетами. Суверенитет, таким образом, есть не просто атрибут власти, а форма бытия всеобщего в его отчуждённом состоянии.

Вводится понятие «отчуждённый суверенитет второго порядка». Государство, будучи само продуктом первичного отчуждения (индивид – государство), вступая в отношения с другими такими же отчуждёнными сущностями, вынуждено частично отчуждать свой суверенитет в пользу системы межгосударственных отношений. Возникает двойная отчуждённость международно-правового субъекта, проявляющаяся в отсутствии надгосударственного суверена и в герменевтическом круге взаимного признания государств. В этой связи анализируется концепция *justus hostis* К. Шмитта как форма признания «особенного» другим «особенным».

Центральным теоретическим конструктом выступает понятие легитимационного разрыва, который понимается здесь как объективное, неустранимое в рамках капиталистической формации расхождение между формальным равенством суверенных государств, декларируемым Вестфальской системой, и их фактическим неравенством, проистекающим из неравномерного распределения ресурсов, военного потенциала и, в конечном счёте, из неравномерного развития самого отчуждённого труда. Юридическая иллюзия формального равенства маскирует реальное неравенство, придавая отношениям господства видимость правовой легитимности.

На основе анализа легитимационного разрыва можно говорить о типологии двух форм международно-правового нигилизма. Инструментальный нигилизм сильных государств проявляется в селективном использовании права, его интерпретации в собственных интересах и игнорировании, когда оно становится помехой. Нигилизм бессилия слабых государств выражается в умонастроении, для которого международное право предстаёт системой, созданной сильными для слабых, неспособной обеспечить реальную защиту их интересов.

Поведён критический анализ основных направлений западной теории международного права, позволяющий продемонстрировать эвристический потенциал теории отчуждения. Рассматриваются: либерально-идеалистическая традиция (Г. Гроций, И. Кант), абсолютизирующая долженствование и игнорирующая классовую природу государства; политический реализм (Г. Моргентау, отчасти Т. Гоббс), фиксирующий «право сильного», но натурализирующий нигилизм и не видящий его исторической природы; критические исследования международного права (М. Коскенниemi, Д. Кеннеди), блестяще деконструирующие либеральный дискурс, но выводящие неопределённость из структуры языка, а не из общественного бытия; дискурс о «циническом международном праве» (Б. Бааде, Т. Райнольд и др.), фиксирующий приватизацию права транснациональным капиталом, но не вскрывающий её классовых механизмов; постколониальная критика (А. Ангаи, Б.С. Чимни, С. Пахуджа), разоблачающая евроцентризм, но часто упускающая формационную природу капитализма; теолого-политический подход (К. Шмитт, Р. Адам), верно диагностирующий нигилизм как конститутивный элемент, но предлагающий невозможный путь назад – к ресакрализации политического. Показано, что все эти подходы, при всех их достижениях, остаются в пределах идеалистической методологии, принимающей государство как данность и не задающейся вопросом

об его отчуждённой природе. Теория отчуждения, напротив, предлагает недостающее объяснение: нигилизм – не проклятие языка и не вечная трагедия суверенитета, а исторически преходящая форма, порождённая конкретными общественными отношениями – отчуждением труда и классовым антагонизмом.

Заключительная часть параграфа посвящена исторической верификации предложенной теоретической модели. На материале генезиса международного права от древнейших договоров (Телль-Амарнский договор 1278 г. до н.э.) через римскую концепцию *jus gentium* и *justus hostis*, средневековые религиозно ограниченные универсумы (*Respublica Christiana*, *Dar-al-Islam*) к Вестфальской системе 1648 г. прослеживается процесс институционализации отчуждённых суверенитетов. Показано, что Вестфальский мир не отменил «право сильного», но институционализировал его, заложив легитимационный разрыв в фундамент международного права и сделав правовой нигилизм его имманентным, системно воспроизводимым свойством. Тем самым исторический материал подтверждает теоретический вывод: правовой нигилизм с неизбежностью сопутствует международному праву на всём протяжении его существования, выступая не отклонением, а выражением его отчуждённой природы.

Параграф 2.2. «Правовой нигилизм как индикатор системного кризиса международного права в эпоху глобального капитализма» содержит собой аналитический итог: современный правовой нигилизм является не случайным явлением, а закономерным проявлением тотального системного кризиса международного права. Этот кризис, в свою очередь, выступает прямым следствием развития капиталистической системы на её современной, глобальной стадии, где доминирующим актором становится транснациональный финансовый капитал.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что кризис современного международного права является закономерным результатом реализации его имманентного свойства – правового нигилизма, которое было системно заложено в его основу с момента формирования Вестфальской модели. Если в период биполярного мира это свойство сдерживалось относительным балансом сил, то с распадом СССР и установлением монополярности противоречие между формальным суверенитетом и реальным господством силы обострилось до предела. Кризис проявляется через три взаимосвязанных процесса: 1. Трансформация роли национального государства. Глобальный транснациональный капитал, более не привязанный к интересам одного национального государства, системно подрывает государственный суверенитет – краеугольный камень всей Вестфальской системы. Национальные правительства, включая правительство США, всё чаще становятся инструментом реализации интересов наднациональных финансовых элит. 2. Идеологическое наступление. Происходит целенаправленный демонтаж классических понятий международного права через продвижение теорий «наднациональности», примата «прав человека» над государственным суверенитетом и «множественности субъектов». Эти концепции, маскируясь под гуманистические, на деле служат идеологическим обоснованием интересов глобального капитала, стремящегося к устранению

национальных барьеров. 3. Прямая демонстративная практика нигилизма. После 1991 года единственная сверхдержава и её союзники перешли к открытому, циничному и демонстративному игнорированию норм международного права (интервенции в Югославии, Ираке, Ливии). При этом происходит фундаментальная подмена понятия *justus hostis* (законный враг) на образ «глобального террориста» или «страны-изгоя», что ведёт к разрушению самого субъектного состава международного права, основанного на отношениях между суверенными государствами.

Главным обобщающим выводом исследования является положение о том, что наблюдаемый кризис международного права представляет собой не просто правовой, но политический и антропологический кризис капиталистической формации. Он является точкой, где противоречие между отчуждённой родовой сущностью человека, воплощённой в системе конкурирующих государств, и его индивидуальным существованием достигает планетарного масштаба. Международные отношения всё более возвращаются к довестфальскому состоянию «анархии», но не как к хаосу равных суверенов, а как к иерархической системе, где формальное право окончательно уступает место «праву сильного», определяемому интересами мировой финансовой олигархии.

Таким образом, системный кризис и правовой нигилизм свидетельствуют об исчерпании потенциала капиталистической формации, которая более не нуждается даже в той ограниченной правовой форме, которую она сама породила. Следовательно, перспективы окончательного преодоления международно-правового нигилизма лежат за пределами капиталистической системы и связаны с преодолением самого отчуждения – через практическое упразднение классового господства и частной собственности. Только в обществе, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», отпадёт необходимость в принудительной нормативной регуляции между враждебными коллективами. Настоящий кризис знаменует собой, таким образом, не конец права как такового, а агонию его отчуждённой исторической формы и появление объективной потребности в новом, постиндустриальном и посткапиталистическом способе организации родовой жизни человечества.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Белкин В.В. К вопросу о цивилизационных основаниях правового нигилизма // Аспирантский вестник Поволжья. 2018. № 3–4. С. 41–47. Doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.2. С.41-47.
2. Белкин В.В. Модель российского правового нигилизма. Социально-философский анализ // Евразийский юридический журнал. 2021/ № 01 (152). С. 490–491.
3. Белкин В.В. К вопросу о происхождении права и правового нигилизма. Социально-философский анализ // Современная наука: актуальные

проблемы теории и практики. Серия: Познание 2021. №2. – С. 108-110. DOI 10.37882/2500-3682.2021.02.01.

4. Белкин В.В. Российский правовой нигилизм конца XX века. Социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки 2021 г. Вып. №1. С. 30-32. DOI: 10.18522/1997-2377-2021-116-1-30-32

5. Белкин В.В. Правовой нигилизм как маркер кризиса международного права. Социально-философский анализ // Вестник Калмыцкого университета. 2021. Вып. 2(50). С. 48–56.

6. Белкин В.В. Избирательность правового нигилизма русской правовой культуры в контексте воззрений русских религиозных философов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. №3. С. 74-79.

7. Белкин В.В. К вопросу о праве поскapиталистического общества // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3(202). С. 545–547.

8. Белкин В.В. Неправо Гегеля и правовой нигилизм // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2025. №2. С. 156-161.

9. Белкин В.В. Особенности правового нигилизма в советском обществе как проявления специфики отчуждённых форм бытия // Вестник Калмыцкого университета Вып.3(67). 2025. С. 145–151.

10. Белкин В.В. К вопросу об отдельных аспектах проблемы правового нигилизма в цифровом мире. Социально-философский взгляд. // Наука. Общество. Государство: Электронный научный журнал 2025. №3(51). С. 171–180.

11. Белкин В.В. Криптовалюты - “проклятая доля” цифровой эпохи: экономика растраты в социальной философии Жоржа Батая // Философия хозяйства. 2025. № 6(162). С. 212–227.

Работы по теме диссертации, опубликованные в других изданиях:

12. Белкин В.В. Проблема правового нигилизма в современной российской науке. //Новые идеи в философии. 2015. № 2(23). С. 58-64.

13. Белкин В.В. Правовой нигилизм как фактор коррупционного поведения сотрудников УИС // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сб. материалов VI Междунар. науч-практ. конф. / Перм. инст. Федер.службы исполнения наказаний. Пермь, 2019 г.

14. Белкин В.В. К вопросу об истории частной собственности в России // Право и наука в современном мире: сб. материалов Всероссийской науч-практ. конф. / Перм. инст. Федер.службы исполнения наказаний. Пермь, 2019 г.

15. Белкин В.В. От юридического мировоззрения к правовому нигилизму // Новые идеи в философии. 2023 г. Вып.12 (33). С –79-86.

Апробация темы: выступления на конференциях

1. Общероссийская теоретическая конференция «Актуальные проблемы научной философии» (16 – 17 апреля 2015г.) Пермский государственный национальный исследовательский университет Российская академия естествознания; Философское общество РФ; Пермское научно-философское

общество. Белкин В.В. Проблема правового нигилизма в современной российской науке.

2. Всероссийская научно-практической конференция «Право и наука в современном мире» (1 марта 2019 г.) / Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний Доклад; статья в сборнике: Белкин В.В. К вопросу об истории частной собственности в России.

3. VI Международная научно-практическая конференция (2-4 апреля 2019 г.) «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия». Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. Доклад; Статья в сборнике: Белкин В.В. Правовой нигилизм как фактор коррупционного поведения сотрудников УИС.

4. II научной конференции: «Практическая философия: состояние и перспективы» (Ялта 27-28 мая 2019 г.) / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Таврическая академия; Философский факультет Доклад. Тезисы доклада: Белкин В.В.: К вопросу о происхождении права и правового нигилизма. Социально-философский анализ.

5. XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Диалектика противодействия коррупции» (21 ноября 2025 г.) Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП) Доклад; Белкин В.В.: Антропологические основания коррупции: к онтологии легитимационного разрыва.

6. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные вопросы противодействия коррупции» (4 декабря 2025 г.) ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова». Доклад; Белкин В.В.: Онтологические основания правового нигилизма и коррупции.